

Император Петр Великий и его церковная реформа

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА В СВЕТЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ
ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В год 350-летнего юбилея Петра Первого «Журнал Московской Патриархии» продолжает тему петровской церковной реформы статьей протоиерея **Валентина Асмуса**, не без оснований утверждающего, что византийские традиции, в частности влияние императоров на область церковно-государственных отношений, имели большое значение для Петра. Выстраивая параллели между византийским императором Юстинианом и Петром Великим, автор показывает предпосылки реформ русского царя и приходит к выводу, что церковная реформа Петра Первого не была революционной на фоне предшествующей истории России и вписывалась в общую тенденцию европейского «просвещенного абсолютизма».

Император Петр Великий был при жизни и остается доселе личностью пререкаемой. В церковной среде из всех его деяний наиболее спорным стала церковная реформа. После восстановления Патриаршества в 1917 году наступила новая эпоха церковной жизни, и все убедились в преимуществах патриарше-соборного строя Церкви. Давно пришла пора разобратся и дать реформе Петра взвешенную оценку, далекую от полемических крайностей XIX – начала XX века. В оценке деятельности Петра следует исходить из ситуации его времени и из тех традиций, которые он наследовал от прошлого. Эти традиции надо рассматривать в их реальности, а не в искаженном изображении, например, у славянофилов, которые противопоставляли реальность синодального строя (подлежавшую справедливой критике, как, впрочем, и всякая другая историческая реальность) нарисованной ими фантастической, идеализированной картине допетровской Руси.

Но для Петра важное значение имели и византийские традиции: большое влияние императоров в области церковно-государственных отношений. Многие зависело от силы воли императоров и иерархов, а законы оставляли в тени эту крайне важную и для государства, и для иерархии сферу — именно для того, чтобы у действующих лиц не были связаны руки. Например, такое важнейшее церковное установление, как Вселенский Собор, не имело в своей основе абсолютно никаких положительных узаконений; здесь действовали только неясные, размытые прецеденты.

Зачастую самые благочестивые, самые неравнодушные к церковной жизни государи

были самыми активными и жесткими руководителями. Таков, например, святой Юстиниан I (527–565). По словам Г. Острогорского, ему было «совершенно чуждо представление о церковной автономии». Законодательно регламентируя церковную жизнь, в предисловии к Новелле 133 «О монахах и подвижниках и об их образе жизни» он так обосновал свое право на это: «Для царства, приявшего от Бога общий надзор за всеми людьми, нет ничего недоступного». На месте родной деревни Юстиниан воздвиг великолепный город — Первую Юстиниану и церковь этого города провозгласил автономной. Он определял число клириков константинопольских церквей (Новелла 3) и сокращал число хиротоний (Новелла 16). Он создал новые канонические нормы. Целибат епископов уже был на Востоке распространенным обычаем, но лишь Юстиниан возвел этот обычай в ранг закона, обязательного для всей Вселенской Церкви (Новелла 123, гл. 1). Его законы коснулись и богослужения: молитвы Литургии и Крещения он распорядился читать «не молча, но с голосом» (Новелла 137, гл. 6).

Сравнивая Юстиниана с Петром I, Е. Е. Голубинский отмечает: «Новеллы Юстиниана по делам церковным в своей совокупности составят не один Регламент, а два»¹. Законодательство Юстиниана (церковные законы содержатся не только в сборнике новелл, но и в Кодексе) повлияло на формирование церковных сборников: прежде это были собрания соборных канонов, теперь же появились номоканоны — в их состав наряду с канонами входили императорские законы. А Соборы временно прекратили законодательствовать. Созванный

*Ж.-М. Натье.
Портрет царя
Петра I. Эрмитаж*

Император Юстиниан. Раннехристианская мозаика в церкви Сан-Витале. Равенна, Италия

Юстинианом V Вселенский Собор издал несколько «канонов», но они все имеют чисто догматическое содержание. Не издал канонов и VI Вселенский Собор 680–681 годов. Созывая Соборы, Юстиниан обращался к ним с посланиями догматического содержания, с подробной программой соборных решений и даже с текстами анафематизмов против еретиков. Папа Римский Вигилий в 553 году находился в столице, но участвовать в V Вселенском Соборе отказался. Юстиниан оказывал грубое давление на Папу; когда же тот все-таки не явился на Собор, император письменно распорядился, чтобы Собор порвал с ним общение. Имя Вигилия было удалено из диптихов. Лишь несколько месяцев спустя Вигилий согласился с постановлениями Собора и был отпущен в Рим. Имя его было восстановлено в диптихах.

Знаменитая Юстинианова теория «симфонии» (предисловие к Новелле 6) не разграничивает полномочия священства и царства, но, напротив, обосновывает широкие полномочия императора в церковной сфере («мы величайшую имеем заботу и об истинных Божиих догматах, и о чести священников», то есть о вероучении и о каноническом строе Церкви). Цитированное предисловие говорит о согласии царства и священства внутри Церкви. Юстиниан не отождествляет Церковь с духовенством. Слово «Церковь» отсутствует в предисловии;

понятие Церкви выражается не словом «священство», но скорее словом «человечество», то есть соотношение царства и священства понимается не как соотношение государства и Церкви, но как соотношение различных властей внутри Церкви. Налицо асимметрия между двумя членами «симфонии»: в то время как священство есть собирательное имя сонма Патриархов и прочих иерархов, царство, не отождествляемое с государством, сосредоточено в одной личности царя. Священство «служит» вещам божественным, оно — «более божественная» (PG. 86A, 1097)² часть Церкви, но его отличие от прочих ее членов относительно. Дело священства — «молитва», то есть вся литургическая и сакраментальная жизнь Церкви. Но царство — выше всего на земле. «Что больше, что святее императорского величества?» (Кодекс Юстиниана (далее — К.Ю.). 1, 14, 12). Императору подобает верховное попечение о Церквях и забота о спасении подданных, он — блюститель канонов и божественных законов (К.Ю. 1, 1, 42 (43); Новелла 109, эпилог; Новелла 137, предисловие). Царь через соборы священников утверждает правую веру (PG. 86A, 1035). Огромное по объему законодательство Юстиниана — самая полная систематизация римского права с многочисленными дополнениями за подписью самого Юстиниана. Изданный в основном на латинском языке, «Корпус

гражданского права» Юстиниана подвергся новой переработке и систематизации и был издан уже по-гречески под названием «Василика», то есть «Царские [законы]», при императоре Льве VI Мудром (886–912).

Со временем законы Юстиниана стали основой юриспруденции и на Западе. Они изучались во всех западных университетах и ко времени Петра I могли оказывать непосредственное влияние и на Россию: в библиотеке Феофана Прокоповича, одного из ближайших сподвижников Петра, имелись западные издания законов Юстиниана и комментарии к ним западных ученых.

В новейшее время можно по-разному относиться к этим законам и к этой идеологии и тем более к воплощению доктрин Юстиниана в многовековой практике церковно-государственных отношений, но историческим фактом остается подавляющее влияние этой теории и практики и в Византии, и на Руси. А практика не всегда могла соответствовать идеалам теории.

Император Лев VI, не только великий законодатель, но также богослов и гимнограф, возвел на патриарший престол своего 16-летнего брата Стефана (886–893). После смерти юного Патриарха он прославил его в лике святых, так же как он прославил свою первую жену Феофану (Феофанию). И Льву удалось создать прецедент. Император Роман Лакапин возвел на патриаршество своего 16-летнего младшего сына Феофилакта (933–956).

По сложившемуся обычаю столичного Патриарха избирал император из трех предло-

женных ему Синодом кандидатов. Если он имел своего кандидата, он предлагал его Синоду заранее. Если он доверил Синоду выбор кандидатов, но не был доволен ни одним из трех избранных, он аннулировал избрание и назначал Патриарха самолично. Когда центр Автокефальной Церкви (Антиохия, Охрид) находился на территории империи, самодержец сам назначал предстоятелей этих Церквей обычно из числа высших клириков храма Святой Софии.

Наречение Патриарха совершал император по формуле: «Святая Троица чрез Ею дарованное нам царство проручествует тебя Архиепископом Константинополя, нового Рима, и Вселенским Патриархом». Остальные архиереи после хиротонии представлялись императору и возносили о нем молитву, чтобы «царь всей христианской полноты... народом святым, царственным священством управлял царственно» (PG. 119, 1160). Кроме этой «типовой», сохранились молитвы, составленные отдельными архиереями. Святитель Григорий Палама говорит в своей молитве о царях: «Ты судил им царствовать над жребием Твоим и над земной Церковью Твоей... Ты поставил их защитниками Церкви, покровителями Твоего наследия, хранителями нашей веры в Тебя»³. Об императоре как верховном арбитре и неременном председателе всех догматических Соборов говорит император Феодор II Ласкарис (1254–1258): «...Все Соборы собирались по царским повелениям, ибо царь был имеющим власть их созывать... Когда освященные разногласили о догматах, кто, кроме самого царя, мог бы отличить глаголющих истину?.. Ибо без такового

Император Феодосий Великий и Святые отцы Второго Вселенского Собора. Фрагмент фрески притвора монастыря Печская Патриархия, Косово, Сербия. XVI в.

судии и различителя, который нес силу начальства и был препоясан мощию власти, как возможно было бы одних принимать как мыслящих истину, а других отсылать осужденными как еретичествующих?.. Так что и вновь, если необходимо созвать Собор для исследования истины, должно быть так, и царскими указами сойтись всем в том месте, где он прикажет... И царь воссядет посреди, чтобы по старому тому обыкновению рассуживать говорящих. Если сие так произойдет, истина, наверное, будет легчайше установлена силою лучшего и ложь отражена благодатию Духа. Ибо иначе не может произойти исправление мнения»⁴.

Положение императора в Византии было исключительным. Нормы древнеримского права, включенные в законы Юстиниана, а затем в Василики, гласят: «Царь не подчинен законам» и «Что угодно царю, есть закон» (Василика. 2, 6, 1–2). Это не противоречит принципам правового государства, каковым было государство греко-римское, и означает неподсудность императора земным инстанциям и его статус верховного законодателя. С этим связано отношение Церкви к императорам, погрешившим в вере. За императоров-язычников Церковь, по апостолу, молилась. За императора, отпавшего от христианства в язычество (уникальный случай Юлиана Отступника), христиане могли не молиться или даже молились о его гибели.

Совсем не то было с императорами-христианами, отступившими от чистоты православной веры. История знает императоров-еретиков и даже ересиархов (редкий случай Константина V, развившего богословское обоснование иконоборчества). Но никогда никто из них не был осужден официально. Могли осуждать Пап Римских, Патриархов (Константинопольских, Александрийских, Антиохийских), иерархов, пресвитеров (Арий), монахов (Евтихий, Евагрий), мирян (Дидим), но не царей. Если правитель отколовшегося от Византии Фессалийского княжества Иоанн Ангел созвал Поместный Собор Охридской архиепископии, на котором осудил за ересь императора Михаила VIII Палеолога, принявшего унию с Римом, это было возможно только потому, что Ангелы не признавали прав Палеологов на императорский престол.

В отличие от большинства иерархов, императоры стремились к воссоединению христианского мира, и чуть ли не при каждом возобновлялись об этом переговоры. Католичество никогда не было официально объявлено ересью. В Синодике в Неделю Православия, главном догматическом документе Византии, осуждения католичества нет, хотя поводы к тому представлялись: например, деятельность Патриарха-униата Иоанна XI Векка (1275–1282).

Первый император Палеолог, Михаил VIII (1259–1282), заключив Лионскую унию, вызвал латентную гражданскую войну. Это стало для всех хорошим уроком, и никто больше не навязывал унию грубой силой. Но вот император Иоанн V (1341–1391) перешел в католичество лично, никому его не навязывая. Сам он понимал свой шаг инклюзивно, отнюдь не считая себя отделившимся от Православной Церкви и, естественно, сохраняя в ней императорские права. Патриархи того времени все были исихасты, то есть по определению антилатиняне. Поскольку у него возникали с ними трения при рутинных делах (назначения рядовых митрополитов и тому подобное), он потребовал у Патриарха и Синода письменной фиксации императорских прав в Церкви.

Занимая уникально высокое положение в Церкви, императоры обладали в церковной жизни полномочиями, ограниченными не какими-то законами, но скорее обычаями и прежде всего личными свойствами самих василевсов, степенью их интереса к церковной жизни. Например, в таком важном деле, как создание новых автокефальных Церквей, императоры решали все, а Константинопольские Патриархи если и играли какую-то роль, то лишь декоративно-церемониальную.

Византийское наследие, несомненно, влияло на самосознание русских царей. Ко времени Петра это влияние даже усилилось. Это связано с делом Патриарха Никона, остро поставившего проблему церковно-государственных отношений. Для традиционного решения этой проблемы потребовалось изучение соответствующих византийских материалов.

Теперь обратимся к состоянию Русской Церкви. Изначально действие соборного механизма в России было чрезвычайно затруднительным в силу двух обстоятельств: безмерно

*И. Машков.
Паломничество
царя Петра
в Соловецкий
монастырь
в 1702 г.*

огромной территории и малого числа епископских кафедр. Если территория — объективная данность, то малое число епископов объясняется человеческим фактором. Епископам понравилось в беспредельной Руси быть «князьями Церкви», и они препятствовали умножению числа своих собратий, хотя государственная власть хотела, чтобы их было больше. Получилось, что если на Малоазийском полуострове в цветущие времена христианства было примерно 350 епископов, а в совсем небольшой по территории Латинской Африке епископские кафедры тоже исчислялись сотнями, то на Руси едва насчитывалось два десятка епископов. В Римско-Византийской империи развитию соборного института содействовало приспособление Церкви к административному делению государства на провинции (аккомодация). В самом начале IV века, при Диоклетиане, провинций было около ста, в V веке их было уже более ста двадцати. Предписываемая канонами соборная деятельность развивалась именно в пределах провинций, составлявших в силу аккомодации церковные округа во главе с митрополитами. В провинциях с небольшими территориями епископы могли собираться на Соборы дважды в году. Впрочем, впоследствии для уменьшения тягот епископского служения

эта норма была облегчена, и Соборы провинций стали собираться единожды в год.

На Руси не было провинций-митрополий. Был один только митрополит, которому канонически подчинялись все епископы. Собираться всем епископам ввиду огромных расстояний и плохих дорог было крайне трудно, и Соборы могли бывать лишь изредка. А если появлялось желание следовать букве канонов, Соборы затягивались, архиереи надолго отлучались из своих епархий, церковная жизнь на местах замирала, потому что дело епископа — не только рукополагать в меру надобности священников и диаконов, но и разрешать своей епископской властью повседневные канонические проблемы. Система малых церковных округов как древнецерковных митрополий не могла сложиться на Руси из-за малого числа епископов. Удельные княжества не стали аналогией римских провинций, поскольку уделов было больше, чем епископских кафедр. Только в XX веке средства сообщения развились настолько, что канонически регулярные Всероссийские Соборы стали технически возможны. И только при Святейшем Патриархе Кирилле мы приблизились к норме, определенной Поместным Собором 1917–1918 годов: каждый уезд должен стать особой епархией.

И. Тупылев. Петр I и Святейший Синод

Переломный XVII век был временем большого кризиса Русской Церкви. Вскрывались страшные проблемы церковной жизни, и церковное сознание искало пути их решения. Во многих регионах люди перестали исповедоваться, причащаться, венчаться. Указы царя Алексея Михайловича по поводу таких проблем свидетельствуют о встревоженности монарха. Не объясняет ли такое расцерковление легкость, с какой распространилось староверство беспоповских толков, спустившее число таинств ниже лютеранского минимума?

Само появление раскола нельзя считать случайным, скорее наоборот: оно было неизбежным как следствие невежества не только народа, но и духовенства. Петр надеялся, что лучшие представители духовенства будут ему опорой в его реформах, но постепенно все больше разочаровывался в этих надеждах. Страшным ударом для него явилось дело царевича Алексея Петровича, вскрывшее массовое сочувствие духовенства и народа царевичу, мечтавшему похоронить вместе с отцом и все дело его жизни, готовому даже поддержать военный бунт против Петра, сбежавшему от него к австрийскому кесарю и согласному перебежать к любому другому покровителю — от Папы Римского до Карла XII шведского. Обиженный на подстрека-

телей Алексея Петровича царь говорил: «Отец мой имел дело с одним бородачом [Патриархом Никоном], а я — с тысячами». Здесь одно из объяснений того, почему Петр хотел взять церковные дела под надзор государства. Однако в целом можно утверждать, что реформа церковного управления не была односторонним стремлением подчинить Церковь интересам государственной пользы, она была направлена на пользу Церкви, на решение ее важнейших проблем.

Реформа высшего церковного управления, замена Патриарха Синодом решала неразрешимую, как выше указано, проблему Соборов. За невозможностью канонически регулярных всеепископских Соборов создавался постоянно действующий малый Собор — Синод. Каноническая уникальность российского Святейшего Правительствующего Синода была не в его малочисленности в сравнении с Поместными Соборами всего епископата. Малочисленными бывали и константинопольские эндимусы — соборы из епископов, случайно оказавшихся в городе. Уникальность была в том, что поначалу Синод управлял соборно, или коллегиально, не только всей Русской Церковью, но и столичной епархией, поначалу состоявшей из Москвы и Санкт-Петербурга. Вскоре порядок был изменен, и столицы получили своих архиереев. Но и изначальный вариант, то есть управление Синода в епархии, где должен быть один архиерей, тоже находит обоснование. В Церкви уже к концу I века утвердился «монархический» епископат, но Священное Писание Нового Завета свидетельствует о промежутке времени, когда в епархиях было соборно-коллегиальное правление. Это «пророки и учителя» Антиохийской Церкви (Деян. 13, 1), пресвитеры — епископы Эфесской Церкви (Деян. 20, 17, 28), епископы Церкви г. Филиппы (Флп. 1, 1).

Члены устроенного «Духовным регламентом» царя Петра Святейшего Синода не были равны, они возглавлялись старшим, которого Петр наименовал президентом. Впоследствии он стал называться первоприсутствующим. В Манифесте от 25 января 1721 года об учреждении Духовной коллегии царь мотивирует церковную реформу: «...посмотря и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах его скудость, не суетный на совести на-

шей возымели мы страх, да не явимся неблаго- дарни Вышнему, аще... пренебрежем исправ- ление и чина духовного, и когда нелицемерный он Судия спросит нас ответа о толиком нам от Него врученном приставлении, да не будем безответни. Того ради, образом прежних как в Ветхом, так и в Новом Завете благочестивых царей, восприяв попечение и о исправлении чина духовного, а не видя лучшего к тому спо- соба паче соборного правительства, уставляем духовную коллегия, то есть духовное соборное правительство». Манифест предваряет Регла- мент во всех его изданиях.

За ним следует «Присяга членов Духовной коллегии». «...Со страхом Божиим, всегда имея в памяти неумытный суд Его, со искрен- нею Бога и ближнего любовью, полагая всем мыслям и словам и действиям моим, яко ви- ну конечную, славу Божию, и спасение душ человеческих, и всей Церкви созидание...» «Исповедую же с клятвою крайнего Судию Духовных сея Коллегии быти Самого Всерос- сийского Монарха». Последние слова застав- ляют нас вспомнить, что император Феодор II Ласкарис, изучая Деяния Вселенских Соборов, пришел к убеждению, что даже и на них мо- нархи исполняли должность верховных архи- епископов.

Регламент разделяется на три части. В пер- вой говорится о преимуществах соборного управления, которое будет осуществлять «Ду- ховное Коллегиум». Часть вторая описывает круг дел, подведомственных Синоду. Она со- стоит из двух разделов. В первом говорится о делах, общих всем христианам независимо от их статуса в Церкви. Здесь по пунктам пере- числяются явления, которые автор объединяет общим понятием суеверия.

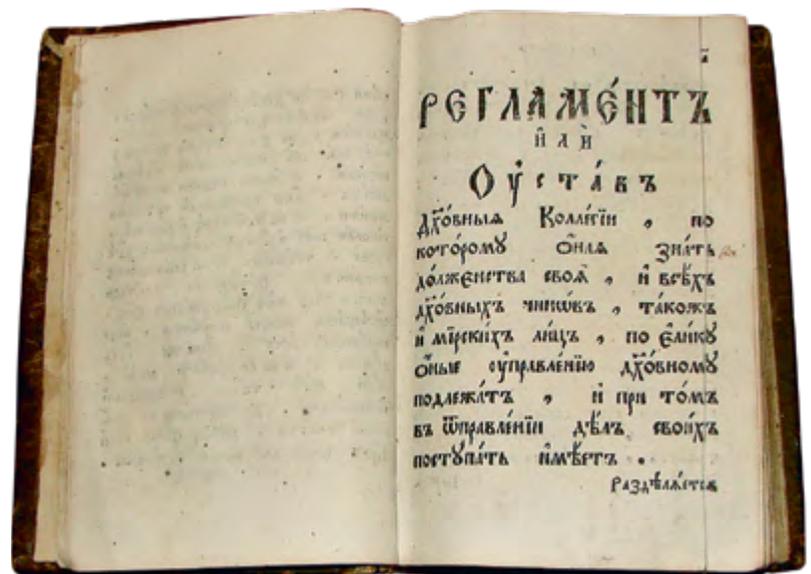
1. Требование рассмотреть новые «акафисты и иные службы», сложенные в Малой Рос- сии, нет ли в них чего «Слову Божию про- тивного» или же «непристойного и праз- дословного».
2. Требование разъяснять, что если таковые «моления» не содержат ничего предосуди- тельного, они все же не должны включаться в церковное богослужение и предназна- чены для келейного употребления, «дабы по времени не вошли в закон и совести бы человеческой не отягощали».

3. Требование критического рассмотрения житий святых (ср. 63-е правило VI Вселен- ского Собора) с особым вниманием к жи- тиям, используемым апологетами раскола.
4. Требование обличать суеверия, например утверждение, что человек, погребенный в Киево-Печерском монастыре, спасется, даже если умер без покаяния.
5. Обличение «непотребных церемоний», на- пример участия в крестном ходе женщины, которой дают имя Пятница.
6. Требование строгого отношения к иден- тичности мощей с примерами соблазни- тельных умножений мощей и реликвий одних и тех же святых у католиков.
7. Требование православного почитания икон ограничивается отсылкой к соответ- ствующему месту в «обещании поставляе- мых епископов».
8. Запрещение ложного объявления икон чу- дотворными «для воспоможения церковей убогих».
9. Повторение запрета «многогласия» в со- вершении церковных служб.

Все это лишь некоторые примеры существу- ющих суеверий, подлежащих выявлению и ис- коренению.

Поскольку не все могли читать, а из читаю- щих не все могли понимать, ставится задача на- писания кратких и понятных книг для народа, которые бы читались с амвона священниками. Излагается программа написания таких эле- ментарных назидательных книг.

«Духовный регламент» 1721 г.

р ъ ч ъ

которая публично въ церкви его царскому пресвѣтлому величеству, отъ снуда и сената говорена.

Всепресвѣтлѣиши державнѣиши монархѣ, всемілості- вѣиши нашѣ самодержецѣ.

Вашего Царскаго Величества, славные и мужественные воинские и политическіе дѣла, чрезъ которые токмо сдѣны, вашими неуспынными трудами, и руководеніемъ, мы ваши вѣрные подданные, имъ шмы несбденія, на Осашрѣ, славы всего Свѣта, и тако рецїи изъ необычнѣ

въ бытіе произведены, и во общество польскихъ народовъ присвокуплены. Яко то не токмо намъ, но и всему Свѣту извѣстно. Иного ради, како бы возможно послабости свои довольно благодарныхъ слезъ изобразити, за то, и за настоящее исходатайствованіе; шоль славного и поленаго Государству Вашему, съ Короною Свѣтскою вѣчного Мира; яко плода трудовъ рукъ Вашихъ, по достоинству возблагодарити. Но ядѣя Вашего Величества нембюща въ пактѣхъ хваламъ благоугожденія, несмѣемъ оныхъ здѣ распространять. Однакожъ да не являея тощїи, въ заорѣ всему Свѣту держасмъ тм учрежденїи опѣ Вашего Величества Духовныи имрскїи Свѣтлѣишѣ, имѣемъ всего Всероссийскаго Государства, подданнѣишѣ Вашего Величества всѣхъ чїновъ народа, восподаннѣише молїти: Да благоволите отъ насъ вознакъ малого нашего признанїя, толїкѣхъ отеческѣхъ, намъ, и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяніи, Титуль **ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ПѢТРА ВЕЛІКАГО, ІМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО** принаши,

прїяти, изъ которыхъ Титуль ІМПЕРАТОРСКІИ, Вашего Величества достохвалнымъ Антецессоромъ отъ славнѣишаго Імператора Римскаго Маѳиміана, отъ нѣкогдашнѣхъ словъ дѣишъ уже приложенъ, и нынѣ отъ мноїхъ Прошепанїювъ дася. А имя ВЕЛІКАГО, по дѣламъ вашимъ великимъ, по достоинству вамъ, уже многе и въ печатныхъ писмахъ прилагаютъ. Имя же **ОТЦА ОТЕЧЕСТВІЯ**, мы хотя недостойни такога Велїкаго Отца, но по милости божїей имѣмъ дарованного, держасмъ вамъ приложитъ, по прикладу древнѣхъ Греческѣхъ и Римскѣхъ Свѣтлѣишѣ. Которые своимъ, славными дѣлами и милостно прославленными Монархамъ, оное прилагали. Ваше Отцелюбівое нїзхождение къ намъ, подастъ намъ такое держановенїе, чїпо Вашему Величеству при подданнѣишемъ благодаренїи нашемъ, шоя отъ швотѣхъ, и достойное достойному водасмъ. Всенїаише прося по славному въ Свѣтѣ великодушїю своему, шоя милости насъ удостойти, и сіе приношенїе отъ насъ, Милостївѣише воспрїяти.

**ВІВАТЪ ВІВАТЪ ВІВАТЪ ПЕТРЪ ВЕЛІКІИ, ОТЕЦЪ
ОТЕЧЕСТВІЯ, ІМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССИЙСКІИ.**

Исчашано въ **САНКТЪПІТЕРБУРГСКОЙ** Типографїи,
Лѣта 1721 Года, Октября 21 дня.

Затем говорится об обязанностях отдельных категорий членов Церкви. Епископы должны:

1. Часто читать соборные правила, так как и они, и все клирики должны их хорошо знать.
2. Хорошо знать степени родства для недопущения запрещенных браков.
3. За архиерейской трапезой должны читаться правила, относящиеся к епископам.
4. При недоуменных случаях епископ должен запрашивать других епископов и вообще образованных людей и, наконец, обращаться в «Духовное Коллегиум».
5. Подчиняться канонам, запрещающим длительное отсутствие епископа из его епархии, обеспечивать на время отсутствия беспрепятственное течение епархиальных дел.
6. То же относится и к настоятелям монастырей и приходов.
7. В случае недееспособности епископы или же их приближенные должны рапортовать в Синод.
8. Смотреть, чтобы монахи не «волочились беспутно», чтобы не строили без необходимости церквей, чтобы не приписывали иконам ложных чудотворений, чтобы назначенные на сие «духовные фискалы» доносили епископу о таких не порядках под страхом извержения.
9. По возможности устраивать при архиерейских домах школы для детей священников «или и прочих в надежду священства определенных».
10. Только выпускников этих школ производить в священники (подлежат наказанию Синода рукополагающие неученых минуя ученых).
11. Во избежание ропота родителей учить и содержать учеников бесплатно, на архиерейские средства.

12. Чтобы монастыри могли участвовать в содержании школ, контролировать их хозяйственные дела; приходно-расходные книги «знатнейших» монастырей отправлять в «Духовное Коллегиум».
13. Для того чтобы были средства на школу, экономить на своих собственных расходах.
14. «Ведал бы всяк епископ меру чести своея, и не высоко бы о ней мыслил, и дело убо великое, но честь никаковая» — дело пастырское имеет весь успех и плод «от Самого Бога, в сердцах человеческих действующего».
15. «Укротити оную вельми жестокою епископов славу», культивируемую льстецами и лукавцами, «чтоб так неистовство и воровство свое покрыть».
16. Не быть дерзкими и скорыми, но долготерпеливыми и рассудительными в употреблении отлучений и анафем; тема этих канонических прещений разрабатывается весьма подробно.
17. Раз в год или в два года обойти всю свою епархию.

Тема архипастырских визитаций, отношений епископа с собратьями и с Синодом развивается тоже подробно, в пятнадцати пунктах.

Затем следует раздел, составляющий центр тяжести Регламента, — «Домы училищные и в них учителя и ученики, також и церковные проповедники». Составитель (каковым был Феофан Прокопович) говорит здесь вдохновенно и с любовью. И неудивительно: Прокопович много лет отдал духовной школе и был крупнейшим русским богословом XVIII века. Вводная часть — похвала учению. Следующая часть — об академии, «естли Царское Величество похощет основать» ее. Проект академии пространно набросан в 22 пунктах. За этим дан «некий образ» семинарии, не менее пространный, в 26 пунктах.

Для проповедников Регламент назначает необходимый образовательный ценз. Осуждается легкомысленный «польский» стиль проповеди, различные театральные и психологические эффекты. Проповедникам даются духовные советы — например, не обличать во втором лице («вы, вы...»), но говорить в первом лице («мы, мы...»), не отделяя себя от грешников, нуждающихся в покаянии. Эти страницы написаны так живо, что некоторые видели в Регламенте,

в его целом, «памфлет», выходящий за пределы жанра церковно-канонического документа. Но это справедливо лишь в отношении литературных жанров нового времени. Древние каноны бывают иногда весьма художественны и даже сатиричны (ср. 75-е правило VI Вселенского Собора).

Переходя к обязанностям мирян, Регламент сперва разъясняет смысл самого слова «миряне». Первой их обязанностью полагается слушание пастырей. Препятствие проповеди церковной влечет самые строгие церковные наказания. Христианин обязан «и часто, а хотя бы единожды в год причащаться Святой Евхаристии». Приходится слышать, что Петр «снизил планку», установив норму ежегодного причащения. Как видим, Регламент говорит о частом причащении, а о ежегодном — как о необходимом минимуме. Редко причащались уже к концу IV века. На это жаловались святитель Иоанн Златоуст на Востоке и святитель Амвросий Медиоланский на Западе. Последний сетовал: «Хлеб ежедневный (намек на Молитву Господню — по латыни там «хлеб наш ежедневный». — В.А.) вы заменили ежегодным». Как уже сказано, на Руси XVII века многие не исполняли и этого минимума. Требование ежегодного причащения связано также с борьбой против раскола. Петр I первым из царей легализовал старообрядцев, установив для них двойную подушную подать. Но многие избегали легализации, предпочитая притворяться православными. При этом им помогали некоторые помещики, укрывавшие их в своих имениях от государственных чиновников, и даже некоторые священники, ложно включавшие таковых в свою паству. Регламент в интересах не только государства, но и самой православной веры поддерживает государство, стремившееся выявить всех старообрядцев для предотвращения их пропаганды.

Регламент запрещает всем, кроме царской фамилии, иметь домовые церкви. «Ходили бы господа к церквам приходским и не стыдились бы быть братиею, хотя и крестьян своих».

Мирянам разрешается избирать приходских священников (но царь Петр, и это уже не отражено в Регламенте, категорически запретил прихожанам изгонять своего пастыря, что прежде широко практиковалось).

*Н. Г. Петр I
допрашивает
царевича Алексея
Петровича
в Петергофе*

Запрещается «господам» принимать себе в духовники бродячих священников, ибо они или «изгнаны за преступление», или своевольно оставили свой приход.

Запрещается крестить младенцев на дому, кроме случая опасной болезни.

Чиновникам и помещикам надлежит слушаться местного епископа.

При сомнении в каноническом вопросе (например, о допустимости брака) мирянин должен обращаться к своему священнику, тот — к епископу, епископ — к Синоду. В случае беспроblemного брака не нужно венчаться на чужом приходе или приглашать к себе для венчания чужих священников.

Часть третья — о членах Синода. Их должно быть 12. Из них три архиерея, а остальные набираются из архимандритов, игуменов и протоиереев. Лица в пресвитерском сане не должны быть в каноническом подчинении у синодальных архиереев.

Всякий христианин имеет право письменно докладывать в Синод свои мысли о возможных улучшениях в церковной жизни.

Если кто-то напишет богословское сочинение, оно может быть издано с одобрения Синода.

Чудеса должны быть удостоверены опросом свидетелей в Синоде.

Если кто кого обвинит в расколе или ереси, дело должен рассмотреть Синод.

Трудные вопросы совести рассматривает Синод.

Синод — первая инстанция, производящая «освидетельствование» кандидатов епископства.

Синод — апелляционная инстанция для недовольных епископским судом.

Синод наблюдает за прибыльями от церковных земель и пресекает их расхищение.

Епископы или меньшие клирики на обиды от «сильных господ» жалуются в Юстиц-Коллегиум, но получают поддержку и со стороны Синода.

Если духовные завещания знатных особ покажутся сомнительными, обращаются в Синод и в Юстиц-Коллегиум, которые выносят совместное решение.

Подробно и строго говорится о просящих милостыню «бездельниках при совершенном здравии». Это уже было темой строгих указов царя Алексея Михайловича.

Для прекращения «симонии» священства предлагается Синоду вместе с Сенатом определить порядок получения духовенством жалования, слагаемого из взносов всех дворов в приходе и достаточного, чтобы священникам не нужно было просить вознаграждения за требы.

Всякий член Духовной коллегии, вступая в должность, приносит присягу верности царю и «что не по страстям своим, не для мздоприимства, но для Бога и пользы людской со страхом Божиим и доброю совестью судить дела и советовать и других братии своей мнения и советы рассуждать, принимать или отвергать будет» под страхом анафемы.

Подписан Регламент девятнадцатью архиереями (весь епископат. — В.А.), несколькими десятками настоятелей монастырей, несколькими высшими сановниками и царем Петром. Первое издание вышло в Санкт-Петербурге 16 сентября 1721 года гражданской печатью. Второе и третье издания — 23 февраля 1722 года в Москве и в 1723 году в Санкт-Петербурге, напечатаны славянским шрифтом.

Вскоре было написано Прибавление к «Духовному регламенту». Первое издание — вместе с «Регламентом 16 Сент. 1721». Другая редакция Прибавления напечатана 14 июня 1722 года в Москве⁵. Тема Прибавления — священство и монашество.

Из насыщенного содержания Прибавления коснемся только того, что часто трактуется

как «частичная отмена тайны исповеди». Этот пункт формулируется таким образом: «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое не сделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь, или здравие Государево, и на фамилию Его Величества: а объявляя толикое намеряемое зло, покажет себе, что не раскаивается, но ставит себе в истину, и намерения своего не отлагает, и не яко грех исповедует, но паче дабы тако согласием, или молчанием духовника своего в намерении своем утвердился... то должен духовник не тако его за прямо исповеданная грехи прощения и разрешения не сподоблять: не есть бо исповедь правильна, аще кто не всех беззаконий своих кается: но и донести вскоре о нем... объявление беззакония намеренного, которого исповедующийся отстать не хочет, и в грех себе не вменяет, не есть исповедь ниже часть исповеди, но коварное к прельщению совести своей ухищрение...»

Несомненно, это распоряжение диктовано жизненным интересом государства и вторгается в тайну человеческой совести. И в то же время, исходя не из нравственного кодекса интеллигента, но из церковного учения об исповеди, нельзя не признать правоты этого пункта Прибавлений. Покаяние — не формальное перечисление грехов для получения автоматического их отпущения. Кающийся обязуется не повторять того, в чем кается; если речь идет о греховной страсти, от которой трудно отстать одним волевым решением, кающийся обязуется вседушевно бороться с этой своей страстью.

Протоиерей Валентин Асмус (род. 1950 г.), настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе. Доцент Московской духовной академии, патролог, византолог. Член ученого совета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный куратор и автор «Православной энциклопедии». Член редколлегии научно-богословского альманаха «Богословские труды». Входит в состав комиссии Межсоборного присутствия по богослужению и церковному искусству. С декабря 2020 года — член комиссии Межсоборного присутствия по богословию и богословскому образованию.

Другое дело — государственный изменник, который и за грех не считает свою измену, и на исповеди говорит о своих злых намерениях не для того, чтобы в них раскаяться, но, наоборот, чтобы утвердиться в них или через одобрение духовника, или хотя бы через его уклончивое молчание.

Страшным испытанием для Петра I была измена царевича Алексея, в каковой свою роль имела и неправая исповедь. Однажды Алексей Петрович покаялся своему духовнику Якову, что желает батюшке [царю Петру] смерти. Духовник на это сказал: «Бог простит. Мы и все того же желаем». Конечно, здесь духовник действует как подстрекатель нетвердого, колеблющегося царевича. Но бывали и другие случаи, где «кающиеся» выступали как активные вербовщики сторонников своих «воровских» намерений... Духовник за свою измену ответил головой. Но и царевич не прежил своего отца.

«Духовный регламент» стал основой церковного развития в XVIII–XIX веках. Двудесятилетняя основная мысль Регламента — духовное просвещение и борьба с суевериями и расколом — воплотилась в духовных академиях и сети духовных семинарий, в миссионерской деятельности, в школах для народа. Даже в неблагоприятных условиях после 1905 года. Правительство из последних сил отстаивало перед Думой церковный бюджет.

Синодальную систему одобрял историк С. М. Соловьев. Ее одобрял Е. Е. Голубинский, лучший знаток древнерусской церковной истории с ее сильными и слабыми сторонами. Один из разрушителей синодальной системы, последний обер-прокурор Синода А. В. Карташёв, в конце жизни констатировал: «...помимо всяких пристрастий, мы вынуждаемся видеть в пережитом периоде действительно такое количество черт положительного характера, что именно в сравнительном сопоставлении их с прежними периодами Русской Церкви мы обязуемся признавать объективно сино-

дальный период Русской Церкви периодом ее восхождения на значительно большую высоту почти по всем сторонам ее жизни в сравнении с ее древним теократическим периодом»⁶.

Церковная реформа Петра I не была революционной на фоне предшествующей истории России и, кроме того, вписывалась в общую тенденцию европейского «просвещенного абсолютизма» — отнюдь не худшего периода истории с его упорядоченным во всех отношениях «полицейским государством». «...Реальность (преемственности Петра. — В. А.) состоит в нарастающей централизации, модернизации и бюрократизации (в веберовском смысле) церковного управления, начавшихся еще при Алексее Михайловиче. Этот процесс имел целью религиозное дисциплинирование населения, унификацию его религиозных практик и его подчинение устанавливаемой властью “регулярности”, требовавшей усиления контроля над приходами и монастырями... Участие светской власти в этом процессе никак не является особенностью русского развития, в разной степени это характерно едва ли не для всех европейских государств»⁷.

Как можно убедиться из обзора содержания «Духовного регламента», он в основном относится к жизни Церкви и намечает пути ее развития. Если отвлечься от абстрактных канонических оценок и судить «по плодам», придется согласиться с приведенной сентенцией Карташёва.

Поместный Собор 1917 года восстановил Патриаршество. «Духовный регламент» утратил силу действующего закона. Но Синод, первое время сохранявший титул «Святейшего», не ушел в прошлое. Была очевидна целесообразность постоянно действующего малого Собора. Синоды существуют и в других Православных Поместных Церквях с Патриаршим возглавлением. Святейший Синод, исполнявший патриаршие функции после петровской реформы, стал Священным Синодом при Святейшем Патриархе Всероссийском.

¹ Голубинский Е. Е. О реформе в быте Русской Церкви: Сб. ст. М., 1913. С. 71.

² Migne J.-P. Patrologia Graeca Cursus Completus. Vol. 86A. Paris, 1865. Col. 1097. Далее ссылки на греческую серию патрологии Миня (PG) приведены в круглых скобках с указанием тома издания и, через запятую, колонки текста.

³ Ἀγίου Γρηγορίου τοῦ Παλαμά συγγράμματα / ἐκδιδόνται ἐπιμελεῖα Παναγιώτου τοῦ Χρήστου. Τ. 5. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 269–270.

⁴ Θεοδώρου Β' Λασκάρεως Περὶ χριστιανικῆς θεολογίας Λόγος. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 180–182.

⁵ Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916: Т. 1. С. 208; Т. 2. С. 79, 80 1-й пагинации.

⁶ Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1959. С. 316.

⁷ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 67.